

Тетрадь четвертая. 1920

Тетрадь 4. 1920. Обложка

Дневник начат 25 февраля 1920 года. В. Уфимц.

- 25 февраля** 18 февраля я заболел воспалением легких. Сперва ни фельдшер, ни доктор Бабаев не определили болезни, а через 2 дня было вполне ясно. Температура 40. Кашель... морозит.
- 2 марта** <...> На дворе весна. Солнце бьет прямо мне в глаза, играет на печке и стенах. Днем стоит чудная погода. Представь: «Слезится снег недавней стужи» (Бунин). Пожелтелые дороги, а небо голубое, призрачное... Над окнами воркуют голуби. Как хороша их весенняя песня! Да тут еще вдобавок протяжный великолепный звон. Эх, весна! Великий пост! И чудный месяц март. Мартовское солнце, мартовский снег, мартовская грязь на дорогах, запах навоза, талых крыш. Как это тянет к себе. Чудесно, чудесно, а должен все время лежать запечатанным в комнате, глотать микстуры, ставить горчичники. ½ 2-го. Сейчас мама сообщила, что Алекс. Михайлович (Гвырин) умер. Так и я все время был тоже болен. Но от меня скрывали его смерть. Оказывается сегодня уже 9-й день. ■ 11 часов ночи. На дворе мороз, ветер, луна. Ем сейчас бруснику. Спать не хочется.
- 3 марта** Пью утренний чай. Спалось хорошо. Шабля что-то долго не приезжает. Принес «свои» этюды, но, по моему, тут есть большая часть не его работ. Есть довольно хорошие этюдики не по Шабле, произвели на меня хорошее впечатление. Я думаю, что это работы Спасского¹, Шабля же выдает их за свои.
- 4 марта** 9 часов утра. Пил чай. Еще раз пересмотрел Шаблины работы. Еще раз убедился в том, что большинство из них не его. Сейчас ½ 12-го, только что пообедал. ■ Канальство! Не придется нам никакую мастерскую устроить: комнатуху, что Шабля снял, отобрали и приедет какой-то адъютант. Шабля не приезжал все время, и Мамонтов не показывается². Теперь уже поздно, Шаблю все равно выгонят.

1.

Спасский Евгений Дмитриевич (1900–1985) – художник; декоратор, книжный оформитель, театральный художник. Учился в Тифлисской школе живописи, ваяния и зодчества при Императорской Академии художеств. В 1918–1919 участвовал с Д.Д. Бурлюком и Б.Д. Четвериковым в футуристическом турне по востоку России и Сибири. В 1919 призывается в армию, служит в военной типографии, в 1920 художник-декоратор в Омском оперном театре. В 1921 переезжает в Москву. (См.: Спасский Е.Д. «Мы были полны надежд» // Огонек. 1988. № 50. С. 8.

2.

Мамонтов Николай Андреевич (1898–1964) – живописец, график; портретист, жанрист. Учился в студии Е.Л. Коровой в Барнауле (1917–1918), студии А.Н. Клементьева в Омске (1919), академии З. Липиньского в Риме (1926–1930). Вернувшись из Италии в 1932, работал в Москве во «Всекохудожнике», музее политкаторжан, издательствах. С 1949 в Саратове, где преподавал черчение и рисование в политехническом институте (1949–1964). Участник выставок в Омске – Общества художников, 1919; Политуправления 5-й Армии, 1920; художественной, 1920; «Червоная тройка», 1921, 1922; в Риме – объединения «Пламя» (1929, 1930).

3.

На месте имения в восточной части города в конце 1940-х разбит парк культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ.

4.

Казачье кладбище с храмом во имя Всех Святых находилось в квадрате современных улиц: Куйбышева, Успенского, Съездовская и 8-й Линии. Закрыто в 1942. В 1920–1950-е частично использовалась горожанами как парковая зона. Снесено в 1960–1970-е.

5.

Ершов С.А., из Петрограда, инструктор изосекции. Возможно, Георгий Белозеров является автором заметки «В картинной галерее Западно-Сибирского Краевого музея» в газете «Рабочий путь» (1925, 3 янв.), в которой высказывается пожелание о соединении музея Худпрома и картинной галереи. Молочников Николай Карпович (1857–?) – портретист, пейзажист. Член-учредитель Общества художников и член ревизионной комиссии Общества. Вольнослушатель АХ (1874), ученик АХ (1876–1880). Получил звание неклассного художника (1886). Зачислен на педагогические курсы при АХ (1891–1893). В Омске с 1893; преподавал в гимназиях, на художественных курсах Общества художников. Участник омских выставок: 1907, 1909, 1915, 1916. Общества художников 1917, 1919. Заведовал мастерской по изготовлению красок в Худпроме; преподавал рисование в 33-й советской школе в 1920-е. – Девятярова. Указ, соч. 112–113.

5 марта

<...>. ■ Бывало в хорошие дни частенько мы собирались и по вечерам бродили по главной улице, толкались среди публики и вообще, где было больше народа, там были и мы. Обыкновенно мы ходили вместе. Шесть хороших товарищей: Кен Волянский, Женька Клементьев, Володька Тронов, Мамонтов, Шабля и я. А в ненастные дни проводили мы время дома. Я бывал у Волянского, где Кен играл на рояле Чайковского. Хорошее было время! Днями мы были на этюдах, а вечером в студии. Только после студии уже позволяли себе отдохнуть...

Опять такое же утро, как и вчера. Сейчас ел простоквашу, буду пить чай. На дворе ветрище поднялся, ставни оторвать хочет, скрипит ими, хлопает, а по крыше бегаёт, гремит железом... ■ Поставил на окно две склянки с льняным маслом. Наряду с серыми буднями выплывают прошлые хорошие дни, а их было много, хотя раньше и не замечал их и казались мне самыми обыкновенными. Вспомнился сейчас один чудесный майский день. Этот день был такой особенно радостный, и мне везло во всем с утра. Я с Волянскими К., О. и Олегом отправился за город в имение³. М. с К. захватили этюдники, Оля шла с тетрадь для сочинений, Олег же – так. Я и К. шли позади Оли, и я любовался ее волосами, выбивавшимися из-под шляпы, ленточками, развевающимися под ветерком и вообще всем, на чем останавливался глаз. Мне тогда она очень нравилась. Незаметно вышли мы за город и стали спускаться по крутой дорожке вниз. Внизу видно старую усадьбу с бывшим барским домом и могучими ивами с первой зеленью. Вошли... Тамошние ребята давно знали меня и К. и шумно встретили нас. Прошли мы двор, вошли в запущенный старый парк и направились прямо к пруду, самому красивому месту здесь... Выбрав места, мы с К. расположились писать. К. по одну сторону тропы, а я по другую у старой ивы. О. села рядом со мной. За все время работы мы перекидывались словом, другим. Я, кажется, ей тоже нравился. Много я бы тогда сказал, но язык присох и не говорил. Да и вообще, как и что говорить? Хотелось только глядеть на нее и больше ничего. Наконец, этюд «Стволы» был закончен. И в это время подошел К. с неудавшимся этюдом. После работы трое (Олег где-то играл с ребятами) мы расположились под цветущей черемухой. Сидели молча и вдыхали запах молодого цвета. Наконец К. заговорил: «Смотрите в небо, видите, коршуны куда поднялись?» Мы стали смотреть в небо. Легкие облачка неслись по весеннему небу, соединяясь, разрываясь и меняя свою форму. Коршунов мы не видели, хотя и смотрели долго. К. же то и дело говорил: «Смотрите правей, полевой немного, еще левей». И К. что-то придумывал. Опять наступило молчание. К. опять заговорил первым: Вик, а что женишься будешь? «Буду», – отвечал я не задумываясь. «Только – нескоро», – добавил я после. «Молодец!» И немного помолчав, как бы прося, сказал: «Знаешь что! Возьми Ольгу», – и сам немного смутился. Кен любил неожиданности. Я не ожидал этого, но ответил, что охотно. «Как она?» «Ну, она-то давно говорила, что ты ей нравишься, а ведь ты ее любишь? ... Каждый ведь знает это». ■ Незаметно провели мы день в усадьбе. Солнце уже давно перевалило за середину, и нужно было идти домой. Я на память о том дне сорвал веточку черемухи, под которой мы сидели. На обратном пути мы зашли на кладбище⁴ и нарвали громадный букет черемухи.

Виктор Уфимцев. 1920 (?)

6 марта

<...> Половина 4-го. Только что ушли Шабля и Спасский. Со Спасским я раньше знаком не был, но знал о нем. Интересный, как художник, и как человек. Ходил в расписанном полушубке и кепке с головой кота (март). Высказал свои взгляды на искусство. Главная его мысль заключается в том, что художник не должен быть вне массы, не должен уходить от народа, а все время вращаться среди него. Как древние пророки – учить и проповедовать. Тянуть толпу за собой. Собираются вместе с Шаблей ехать в Москву. У Шабля я выпросил этюд «Холодный день». Недурная вещица.

7 марта

Чувствую себя лучше, покрепче после воспаления, только зуб болит, есть не дает. Задумал развесить свою коллекцию. Как вставать мало-мало буду, так и примусь за развеску картин. Приблизительно подсчитал мои сокровища. Выходит так: В. Тронов – 13, К. Волянский – 20, Ершов – 1, Г. Белозеров – 1, Н.К. Молочников⁵ – 1, Наймитов – 2, И.В. Волков – 1, В.С. Пунин[ский]⁶ – 1, А.Н. Клементьев – 1, Е. Клементьев – 1, О. Я. Роуз – 1, Б. Шабуневич – 1, В. Уфимцев – 16. Всего – 60. В таком количестве думаю вывесить. Приготовил номерки. Будет каталог <...>

8 марта

Утром. <...>. Развесил свою коллекцию. (Конечно, не я развешивал, а Гека⁷). Всего 53. Приклеил номера и написал каталог. ■ 9 марта. Поправляюсь. Аппетитишко появился. Сижу, а на ноги встать –